

Канадская полиция, как обычно, вынырнула ниоткуда. Ощущение, что она с неба падает. Ну, вот нет никого на дороге, и вдруг – сзади сигналят, мигалочка работает.

Вика прижалась к обочине и остановилась. Однако, забыв как в Канаде принято себя вести в таких случаях, достала из бардачка права со страховкой и направилась к полицейскому автомобилю. Резкий жест стража порядка, сидевшего за рулём, остановил. Он выставил руку ладонью вперёд, что означало: не приближайтесь. Молодая женщина застыла, как вкопанная, даже покачнулась на высоких каблуках.

Она замерла и не видела, как изящно выглядит со стороны. Стройная, в чёрной водолазке и чёрной же юбке-карандаш, обтягивающей похожую на скрипку фигуру. Светлые волосы, заколотые наверх, и спускающиеся вьющимися прядями по обеим сторонам лица, делали её похожей на княжну девятнадцатого века. Так в Канаде не одеваются. А она одевается, хоть и живёт здесь уже давненько. И от акцента не избавляется – а зачем скрывать, что ты русская?

Она стояла, прижав к груди руки с правами и страховкой, беззащитная, с вытаращенными глазами – удивилась, что полиция опасается её приближения. Вот её боязнь полиции имеет вескую причину. Пьяна. Была бы трезва, не вышла из машины, ибо знает, что нельзя, надо ждать пока полицейский сам подойдёт и руки держать на руле, чтобы он видел – оружия нет.

К ней приблизился рыжебородый полисмен. Ирландская кровь, наверное. В Канаде самые большие этнические группы – ирландцы и шотландцы. Полисмен был конопатым и сероглазым. Похож на принца Гарри.

Принц попросил документы. Она показала. Он стоял и слишком долго в них смотрел. Вика поняла, что понравилась

ему и он думает, как к ней подкатить. Но ей было не до того. Боялась, что он унюхает запах водки.

– Вы едете по дороге с односторонним движением не в ту сторону, – сказал он.

Женщина ужаснулась. Она живёт в русском районе, далеко отсюда, там все дороги с двусторонним. В кои-то веки приехала в центр Торонто и совсем забыла, что здесь куча улочек с односторонним. Так вот почему из встречной машины ей прокричали: «Идиотка!», и мужик, выгуливающий собаку, показал средний палец... А она ещё удивилась, что вежливые канадцы так себя ведут.

– Я больше не буду, отпустите, пожалуйста, – залепетала, – я живу в Северном Йорке, никогда сюда не езжу, заблудилась, пожалуйста, не давайте мне штраф.

А сама думала: «Только бы не почувал водку... тогда труба... русская, пьяная... права отберут и в газетах напишут».

Он стоял, смотрел на неё, говорящую с акцентом, который ему казался сексуальным, и думал, что никак к ней не пристать – он при исполнении. С сожалением отдал права и посоветовал вести себя на дороге аккуратно. Не оштрафовал. Вика с облегчением села в машину, отогнала её на ближайшую парковку и решила посидеть в кафе – обильно поесть и попить, чтобы опьянение прошло.

Сидела и злилась на Наталью Петровну, эмигрантку белогвардейской волны, потому что это она заставила её пить. Шантажом.

Вика, собкор российской газеты и редактор своей собственной, русской газеты в Канаде, узнала от других белогвардейских старушек, что больше всего о великой княгине Ольге Александровне, сестре Николая Второго, проживавшей в Торонто, может рассказать Наталья Петровна Шелегина. Именно в её доме умерла княгиня. Вика позвонила старушке, и та пригласила в гости. Но как только Вика вошла, на столе появился поднос с двумя чарками и графинчиком водки.

– Я не буду, – отказалась Вика, – я за рулём.

– Ну, так я ничего не расскажу, – отозвалась старушка. – Вы не русская что ли?

– Русская. Но я же за рулём!

– Ну и что? Выветрится.

– Не буду, извините.

– Тогда я не знаю, зачем вы приехали. Не буду ничего рассказывать.

И Вика сдалась. Старушка обрадовалась, и понеслось... «Водка-селёдка». И зелёный лучок ещё был, который они обмакивали в солонки, и чёрный хлеб, который в Канаде пекут, но он совсем не такой, как в России или Белоруссии. Чёрный по цвету, а не по вкусу. Крашенный, наверное. Наталья Петровна рассказывала с удовольствием, как все старики, которых давно никто ни о чём не спрашивает.

– Ольга Александровна была скромной. Приехав в Канаду, она поселилась в небольшом доме поблизости от Торонто. Там и жила с мужем, офицером Николаем Куликовским. Он ей по знатности не ровня, но семья разрешила выйти за него, ибо они очень любили друг друга. Он об Ольге заботился. Она же по хозяйству ничего не умела, и Коля до конца жизни сам всё делал. Она так плохо готовила, что мы с подругами попросили, чтобы она перестала это делать, и ходили к ней в гости со своими блюдами, – засмеялась Наталья Петровна.

– Зато рисовать любила, у меня есть две её картины, – старушка вышла куда-то, и принесла натюрморты. Акварели в нежных тонах, полные света.

– Она писала много картин, это спасало её. Ольга не работала, а сыновья уже выросли, так что времени у неё хватало. Так вот, она была скромнейшим человеком – просила называть её только по имени, не приседать и не называть высочеством.

Старушка помолчала.

– Или из боязни, – добавила. – Ей хотелось быть незаметной. Ольга до конца жизни боялась коммунистов. То, что сделали с семьёй брата, потрясло её. Она неохотно знакомилась с новыми людьми, жила тихо. Верила, что большевики могут и в Канаде достать.

Наталья Петровна показывала альбом с пожелтевшими фотографиями великой княгини, белых офицеров и православных торжеств в местном храме.

– Деньги у неё имелись, но небольшие. Однажды в Канаду приехала королева Елизавета, родственница, и пригласила Ольгу на яхту. Мы, подруги княгини, всполошились. Принесли ей свои наряды, приодели. Все на ней было чужое – платье, туфли, шляпка... И она пошла. Но и мы тоже были беженки –

дочери белых офицеров, и наши наряды оказались настолько скромными, что у яхты Ольгу остановили и не хотели пускать. Ей пришлось ждать. Но потом всё же пустили. Обратите внимание, она не скандалила, не плакала, а просто встала в сторону и ждала – вот что значит царское воспитание!

– Королева помогла ей деньгами?

– Не знаю. Она не говорила, а мы не спрашивали. Но нарядов у неё больше не стало.

Вика вздохнула. Вспомнила, как царскую семью сперва пригласили в Лондон, а потом отказали в убежище. Историки до сих пор гадают, отчего да почему. Но когда не знаешь в чём дело, оно почти наверняка в деньгах. Вика прочитала, что в Первую мировую Россия отправляла в Британию тонны золота в обмен на оружие и экипировку. Англичане же деньги брали, а с поставками тянули. Дотянули до революции, которая списала долги. А Романовы стали для них теми самыми концами, которые удобнее всего – в воду...

– Ольга всю жизнь надеялась, что Анастасия выжила, – продолжила Наталья Петровна. – Об этом же везде писали. Встречалась с самозванками, никогда не отказывалась, и всегда её ждало горькое разочарование. А вот она мне подарила набор ложек и вилок! Смотрите! Вот – шкатулку, вот – запонки моему супругу.

Наталья Петровна показывала вещи, а Вика думала: умрёт старушка, и неизвестно как поступят с этими вещами её сын. Он вырос в Канаде, и жена у него канадка. Эти вещи, вероятно, не имеют для них ценности.

– А вы не хотите подарить или продать все это музею в России? Я помогу связаться, – предложила Вика.

– Нет. Всё достанется моему сыну.

– Он в этом что-нибудь понимает?

– Я объяснила.

Вика не поверила. Видела она, как старики умирают, а дети приходят и все их пожитки вывозят в секунд-хенд. Не только одежду, а вообще всё. Альбомы с фотографиями выкидывают на помойку. После того, как Вика увидела это собственными глазами – вынос вещей и альбом на помойке, она поняла насколько детям не нужно всё, что дорого родителям. И разлюбила фотографироваться, и поняла, что папка с её статьями, которые мама любовно собирала, тоже полетит на помойку.

Хотя сын любит Вику. Но что ему, выросшему в Канаде, делать с пожелтевшими статьями на русском языке?

– Особенно ничего не надо сыновьям, – соглашалась Наталья Петровна, разморенная водкой. – Дочери ещё что-то могут хранить, а мальчики всё выкидывают.

– Ну так, может, я договорюсь с музеем, они купят? – снова подобралась к историческим ценностям Виктория. – Или найду номер телефона, а вы туда позвоните и обсудите детали?

– Не отдам ничего в большевистские музеи!

Наталья Петровна поджала губы.

– Мне и название вашей коммунистической газеты не нравится, но ладно уж, – добавила.

Вика решила помалкивать.

– А умирала княгиня страшно, у меня на руках. Сыновья её женились, жили отдельно, муж умер, и за ней некому было ухаживать. Мы взяли её к себе. Она жила в нашем доме (старушка показала фото неказистого двухэтажного домика, на первом этаже которого располагалась парикмахерская). Мы занимали второй этаж. Одну комнату отдали Ольге Александровне. Приютил её мой папа, офицер, он всегда благоволил перед царской семьёй. Представить себе не мог, что в его доме будет жить особа императорской фамилии. Мы за Ольгой ухаживали, кормили с ложечки, а у неё были дикие боли и галлюцинации. Всегда на тему большевиков. Ей казалось, что на стенах появляются звёзды, и она так страшно кричала! Говорила, что за ней пришли комиссары. Она сходила с ума. И умерла в болях и ужасе на моих руках.

Вика невольно посмотрела на руки собеседницы. На них не было украшений, зато были вздувшиеся старческие вены. Наталья Петровна перехватила взгляд.

– Мы небогатая семья. А когда бежали из России, так и во все голые и босые... Сначала из России бежала мама с нами, детьми. А папу поймали красные, били. У него, когда он вырвался и приехал в Париж – мы сначала там жили – на спине были следы от кнута.

– Вы жили в Париже?

Далее последовал рассказ о том, как папа работал на такси. Вспоминая, старушка разволновалась. Она смеялась, пела не известные Вике песни, в которых говорилось, как мы били шведов и ляхов, читала стихи, которые, как сказала, написал брат генерала Кутепова.

– Через столько лет вы сохранили любовь к России, – похвалила Вика Шелегину. Растрогалась.

– Я не люблю Россию, – обернула та к ней сухое, напудренное лицо.

Вика обомлела. Она никогда не слышала от русского человека таких слов. Эмигранты из СССР активно костерили Родину, но это были не славяне, не русские в полном смысле слова, а грузины, западенцы – украинцы из западных областей, а также приехавшая через Израиль публика. Русские же не хаяли. И даже по мелочи не критиковали.

– Как это не любите? – не поверила журналистка. – А что же у вас тут иконы, московские дворики на стенах?

– Я русскую культуру люблю, а не Россию. Она нас выгнала.

– Не она, а большевики! – возмутилась Вика. Но тут же смекнула, что ссориться со старушкой не с руки – надо, чтобы интервью вышло. Оно не об отношении Шелегиной к России, а о великой княгине.

– Спасибо за рассказ, всё было очень интересно, я вам пришлю прочитать перед публикацией, – сказала журналистка как можно более мягко, хотя всё ещё чувствовала себя ушибленной.

– Выпьем на дорожку!

И Вика с досадой выпила. Всегда бесило понимание о русском человеке как о пьющем, все эти «посошки» и бахвальство умением немеренно хлебать.

Сидя в кафе и трезвея, Вика вспомнила другую старушку – Воскресенскую. О ней в русской общине говорили с придыханием. Она в течение почти шести десятков лет являлась руководителем русской культурной ассоциации. Под её руководством проходили ежегодные балы, она издавала журнал «Свеча», наполненный, как сегодня бы это назвали, «пропагандой русской культуры», она помогала самому большому русскому храму в Канаде в делах приходской школы. Управляемое ею сестричество – тоже бабульки – бесплатно пекли пироги для приходских детей и варили борщи. Сама она долго преподавала детям русский язык и литературу. Это было самое настоящее служение, подвижничество. И какое же удивление ждало Вику, когда она узнала, что Ольга Николаевна Воскресенская воевала на стороне немцев и попала в Канаду вместе с ними, спасаясь от расплаты.

- В РОА служила, – рассказывали ей. – Власовка.
- Прямо людей убивала? – ужаснулась Вика.
- Нет, ей 15 лет было, она машинисткой работала.
- Ну, наверное, потому и развела всю эту деятельность – чтобы искупить вину, – сообразила журналистка.
- Не скажите. Она восхищается Власовым до сих пор.

Вика не могла это состыковать. Она знала Ольгу Николаевну несколько лет. Поверхностно, но зачем знать глубоко лично, если, как написано на машинах канадской полиции, «дела говорят за себя»? Ей регулярно приходили приглашения от Воскресенской. Поднять российский флаг в одном из парков города в День России (пробила старушка мероприятие!), на масленичное гулянье, на концерты детей из приходской школы. Журналистка ежегодно приходила на устраиваемый Воскресенской Русский бал. Билеты на него стоили недёшево для иммигрантов – сто долларов, но Вике давали билет бесплатно в обмен на рекламу торжества.

Действо это было уникальное. Его устраивали «обломки» Российской империи. Люди из начала 20 века в России готовили торжество в начале 21 века в Канаде. В воздухе витало нечто, чего никогда нигде больше не увидишь и не почувствуешь. Вначале все чинно и тихо прогуливались в вестибюле, где были расставлены столы с книгами о царском времени и православной литературой. Тут же благотворительная потеря – это обязательное. Покупаешь вещи, которые сдали устроители – их личные, новые, но им не нужные, и тебе дают номерок. Потом, на балу, крутят барабан и называют выигравшие номера. Победители получают в подарок тоже вещи устроителей, новые, и тоже не нужные им, но дорогие и красивые. Можно выиграть даже норковое манто! (Которое в Канаде стоит куда дешевле, чем в России, ибо натуральные меха тут никто не носит).

Вика, варящаяся в гуще советской русскоязычной общины, на восемьдесят процентов состоящей из евреев, а на двадцать – из иммигрантов 90-х – ярых патриотов, русских людей, сидела на балу притихшая, с широко раскрытыми глазами. В зал врывалась публика в вечерних платьях – дети и внуки белоэмигрантов, приглашённые канадские деятели – послы, политики, депутаты. Зал снимали всегда огромный и торжественный, с лепниной и люстрами в позолоте. Было накрыто под сотню столов. На всех белые скатерти и скромный букет

цветов – такой, чтобы собеседники не были отгорожены друг от друга. Столы круглые – чтобы каждый гость чувствовал себя равным другому. Так вот первое, что отличало эти торжества – тишина.

Когда собираются советские люди, они шумят. Смеются громко, ссорятся, кто-то может резко встать и выступить, обругать что-то, а то и свистнуть. Речь «напрямки» тут в чести (а чего вокруг да около? Кого мы боимся?), а всякие «политесы» и церемонии – буржуазные предрассудки. Хотя и прошло тридцать с лишним лет после развала Страны Советов, и среди эмигрантов немало тех, кто с Советами боролся, диссидентов, а пролетарское воспитание не выкинешь.

Эти же, «беляки» со своими потомками – другие. Робеешь при них. Человек не унижает тебя, от него, казалось бы, не исходит угрозы, он спокойно на тебя смотрит и тихо говорит, но ты ощущаешь себя дворняжкой.

В русских ресторанах советской и постсоветской эмиграции ломятся столы. Для блюд не хватает места и их расставляют в шахматном порядке – одно на края двух других тарелок. Это называется «полное накрытие». Здесь – нет. Сначала подают салат – горстку травы под соусом на середине большого блюда. Потом второе – тоже в небольшом количестве и довольно простое – картошка мелкая, круглая, например, с небольшим бифштексом. И в конце вечера – десерт: маленькое пирожное, кофе или чай. Критиковать, что ты заплатил сто долларов, а тебя даже толком не накормили, не приходит в голову. Понимаешь, что благородные люди едят, а не жрут.

Удивляли выступающие – они ничего не рекламировали. В советской русской диаспоре, приехавшей в основном через Израиль, каждый вышедший на сцену с любой темой, так или иначе сворачивал на свой бизнес и призывал воспользоваться услугами. Некрасиво, но действительно. Имеет же значение результат, не так ли? А в результате – деньги в кармане. Эти же, белая косточка и голубая кровь, говорили коротко, спокойно, не пытались нравиться, и придерживались темы мероприятия. Можно сказать, они вообще не выступали, а большей частью предоставляли кому-то слово – послу России в Канаде, главе канадской партии, несколькими российским военным, которые за какой-то надобностью оказались в Канаде и стояли теперь перед всеми в парадной форме...

Всё чинно и благородно.

Однажды рядом с Викой оказался старик. Совсем древний. Тихонько рассказывал ей свою жизнь, пытался ухаживать – подлить вино, передать корзиночку с хлебом. Спросил, в какой газете она работает, и Вика постеснялась назвать громкое и славное имя своего российского издания, ибо имя было коммунистическим. Не хотела смущать. Перевела разговор на другую тему.

Сейчас рядом сидел разухабистый толстый мужик с красной, круглой физиономией, маленьким носиком и свиными глазками. Хряк. Как он здесь оказался, неизвестно. Устроители продавали билеты всем желающим, но обычно покупала всё-таки интеллигенция, а тут – странная личность.

Хряк оказался матросом. Бежавшим из СССР. В прямом смысле бежавшим. Он с упоением рассказал, как подготовил побег с корабля. Запасся чем надо, прыгнул в воду и поплыл. На их с Викторией столе стояло три бутылки вина на восемь человек, так Хряк, казалось, употребил их все, и с налившимся кровью лицом пригласил её на танец. В атмосфере чинного благородства не хотелось никого обижать, и Вика пошла. Музыка с медленной сменилась на ритмичную, и они с Хряком заскакали. Она слегка виляла задом и танцевала «локтями», как все советские, не умеющие по-настоящему танцевать, а он обскакивал её мелким бесом вокруг. Несмотря на вес, был довольно вёртким.

– И вы с тех пор ни разу не были в России? – спросила Вика, когда вернулись за стол.

– Что я там забыл? – весело ответил матрос. – У меня тут бизнес, выпускаю колбасы и сосиски. – Да меня и КГБ не пустит, визу не дадут. Таких не пускают.

– Вы пробовали?

– Нет, другие пробовали. Нас же, когда мы перебежали, брали за широрот местные спецслужбы, всё из нас вытряхивали.

Вика не знала, что можно вытряхнуть из матроса торгового флота. Фарцовщика, как выяснилось из беседы. Но промолчала. Ковыряла ложечкой тирамису и думала про то, что в России не делают разницы между эмигрантами, для россиян все – просто уехавшие. А они такие разные!

Есть белогвардейцы, которые спасали себя и семьи – они достойны уважения, особенно те, кто сначала сражался против большевиков, пытался спасти страну, и только потом уехал. Есть приехавшие после Великой Отечественной. Эта

публика живёт, закрыв рот. Ничего не рассказывают о прошлом, с новенькими общаться не стремятся. То ли полицаи, то ли русские пленные, побоявшиеся возвращаться домой, то ли белые, переехавшие из Европы в Северную Америку, как княгиня Ольга Александровна? Неизвестно. Любят ли Россию? Выглядит, что да. Приехав в пригород Торонто, насажали берёз столько, что посёлок с канадским названием прозвали Берёзками. Добились, чтобы главную на то время улицу назвали Волгой. Храм православный построили и ходят туда, соблюдая праздники и традиции. Но кто знает, может, они, как Шелегина, любят только русскую культуру?

Третья волна – семидесятники-восемидесятники. Переехавшие в Израиль, а оттуда в Канаду. Тут в большинстве своём дух либерализма, антисталинизма, антикоммунизма, восхищение Америкой, крики «мы живём в свободной стране!», преклонение перед Канадой и комплексы от понимания, что у них не тот английский. Среди них есть и пророссийские, процентов пятнадцать от общей массы. Эти яростно за Россию, любят СССР. Их или родня за собой за границу утащила, или просто захотелось материально получше жить, но это наши люди, как определила для себя Вика. Читая однажды её статью, посвящённую юбилею СССР (когда он давно уже распался), они рыдали, звонили по указанному в газете телефону, и кричали о своей любви к покинутой стране. В голосах были подлинная горечь и сожаление.

– Вы наша Жанна Ж'Арк, – грассируя, сказала постоянная читательница Фрида. – Я жена советского офицера. У меня было всё – квартира, путёвки, мы с мужем прожили великолепные годы в СССР, а теперь ничего этого нет.

Она не плакала, она выла в трубку. Вика тогда молча передала телефон своему водителю – тому, что развозил её газеты по магазинам. Потом попрощалась и отключила телефон.

– Что это было? – не понял водитель.

– Люди плачут по СССР.

И водитель кивнул. Он тоже не доволен тем, как повернулась история. В Москве он был инженером и выписывал «Науку и жизнь», а в Канаде стал развозчиком газет. И в почтовый ящик ему кладут только рекламные буклеты.

Один эмигрант сказал Вике: «Я рвался в Израиль, воевал с системой, но когда я отдал советский паспорт, у меня земля

ушла из-под ног». Другой: «Я жил в Израиле, Аргентине, США и Канаде, но лучше России ничего не нашёл».

...И, наконец, четвёртая волна. Бедные люди, славяне, хлынувшие на Запад после перестройки. Они поверили журналисту с букетом гражданств, который уверял в своих прямых линиях с США, что «американцы такие же, как мы», что Запад более не враг, ехали заработать, пожить хорошо, сколько получится, мир посмотреть, спрятать детей от войны в Чечне, спрятаться самим от бандитов, всюю орудовавших на территории бывшего СССР, спасались от погромов в республиках.

Ох, сколько горя спрятано в сердцах эмигрантов 90-х! Приезжают они в Россию нарядные, уверенные в себе, с долларами в карманах, многие успешны (это миф – что наши только «посуду моют», приехавшие в Канаду нестарыми людьми обычно лишь первые года два-три живут плохо, потом находят работу по специальности или переучиваются и занимают вполне хорошее положение, потому что русские эмигранты хорошо образованы и целеустремлённы). И только самые близкие друзья знают, что за их эмиграцией стоит, как правило, беда. У Вики есть знакомая риэлтор – русская красавица Евпраксия. У неё и фамилия подходящая – Яхонтова. Так вот, Вика случайно узнала, что у красавицы бандиты убили брата, и она с мамой едва спаслась тем, что буквально за три дня продали свой дом и сбежали в неизвестном направлении. Притаились и послали документы на эмиграцию.

Другая знакомая пережила в Киеве Чернобыль. С детьми. Дочка трёх лет умерла от радиации, а сына мать решила спасти во что бы то ни стало. И ценой огромных страданий сделан был статус жителя Канады и ей, и ребёнку. (Страдания были оттого, что не знала языка, не могла найти работу, бедствовали, ребёнка отобрали. Потом вернули всё же, но только когда стал совершеннолетним).

Четвертая волна истово любила Россию. Ни разу не предала, не охаяла, и жила с повернутой в сторону Родины головой. К таким относилась и сама Вика.

Узнав о службе Воскресенской в РОА, журналистка не вынесла – пошла брать интервью. Старушка не отказала. И поведала вот что...

Родом Оленька Воскресенская была из Пскова. В роду у неё все священники – и отец, и дед, и братья отца и деда, и поколения туда, в даль веков... В тридцатые за всем этим мужским

родом пришли комиссары и примкнувшая к ним голытьба. Те, кто, как рассказывала бабушка, всё лето не работал, а зимой начинал помирать с голоду. Такие семьи подкармливали всем селом – кто картошки даст, кто масла, кто молока. К Воскресенским после революции эта голытьба пришла, пооткрывала сундуки и начала выбирать одежду. «Вы носили, теперь наш черёд!» – сказали.

Так вот, комиссары пришли, и кого утащили в тюрьму, кого расстреляли. Никого из мужчин не оставили. Сколько Оля помнила себя, мать и бабка – в слезах. Всё кому-то посылки собирают и шепчутся. И Оле пальцем грозят: «Никому не скажывай, что дома говорили. Никогда». Оля понимает. Она молится вместе с матерью и бабкой за тех, кого ещё не убили, и не любит своих одноклассников, которые говорят, что Бога нет, смеются над ней.

Надо любить людей, но Оля не любит. Не всех, а именно тех, что у неё в школе. И учителей, и учеников. У них всё хорошо, а она – дочь «врага народа». Она слышала, как мама с бабушкой спорили, примут её в институт в будущем или нет? Бабушка говорила не примут, а мама рассказывала, что знакомая, тоже дочь «врага народа», поступила, и не куда-нибудь, а в медицинский!

Оля училась на пятёрки. В доме хранилось много книг, и она читала, читала... Так что отвечать в школе труда не составляло. Но семья жила с ощущением непоправимой беды. Как будто кто-то огромный, чёрный и волосатый, просунул гигантскую руку в их жилище, всё в вязаных салфеточках и иконах, и вырвал сердце. Стоит под окнами и чавкает, пожирая его, а они сидят дома и трясутся, боятся выглянуть.

Мать и бабка ругали советскую власть тихонечко, чтобы Оля не знала, но она слышала, а чего не слышала, так сама понимала. «Бога нет, это научно доказанный факт», – сказала в школе учительница. Оля изумилась и не знала, что делать. С одной стороны, надо Бога защитить. С другой – это опасно, и так все повернули рожи к ней и скалятся. Ждут, что она, «богомолка», скажет... Она промолчала. Минута была упущена, а дальше учительница пустилась рассуждать на другие темы.

Оля пришла домой туча тучей, упала на кровать и плакала горячими слезами. Всё, всё ненавистно! И красные флаги, и глупые учителя, которые книг не читают, а шпарят заученное

по учебникам, и сами манеры общества, в котором она находилась – развязные, хамские. Шутки у мальчишек – ужасные.

Она не успела в сознательном возрасте застать тот мир, в котором прожили жизнь её мать и бабушка. Но ей рассказали. О мире чистых, белых скатертей, колокольного звона и гостей, к которым обращаются «ваше благородие». Главное в этом мире было – расслабленные мышцы лица. В этом мире смотрели ласково, улыбались, дарили кукол и сладости в расписных жестяных баночках, привезённых из Петербурга. А нынешний мир Оли состоит из напряжённых лиц, играющих желваков, каких-то постоянных клятв Ленину и партии, строгих и подозрительных взглядов. Мир этот беден на сладости, и уж тем более, на кукол. Оля дорожила своей старой, иностранной куклой с фарфоровым лицом и буклями, в пышном платье с кружевами. И ещё у неё был кувшинчик из толстого зелёного стекла со стеклянной же улиткой на крышечке. К пятнадцати годам она, разумеется, уже не играла ими, а просто любовалась.

Но украли. Приглашала она к себе тихую девочку из класса, хотела подружиться. Не заметила, как пропало сначала одно, потом другое. «Хамы», – сказала мать. «Гольтьба», – подтвердила бабушка. И вздохнула. Оля знала, что бабушка подумала. «И за кого порядочной девушке замуж идти потом?».

Большевики закрыли храмы. Так что семья молилась дома, как ранние христиане. Закрывшись на все замки, занавесив окна толстым одеялом, чтобы с улицы свечи не увидели. А потом проветривали, чтобы запаха воска не осталось. И страдали. Страдали от грубости жизни, её нищеты, духовной и материальной, от вестей, что там и сям рушат церкви, от осознания, что у власти Зверь.

...Вика слушала Ольгу Николаевну, затаив дыхание. Она не согласна, что Сталин – зверь, она отмечала про себя, что многие в то время жили без вот этого белогвардейского надрыва, а весело, с энтузиазмом работали, строили новое общество. В воздухе был разлит оптимизм, что отразилось в фильмах того времени. Много тогда возникло грандиозных строек, прекрасных книг, стихов... Но она понимала Воскресенскую. Не всем дано спокойно пережить крушение империи. А уж тем более, семье священнослужителей – «псов» государевых, вечной патриотической закваске России. Страшно было их противостояние новому миру, страшно по своей

самоотверженности и обречённости. Они стояли против троцких и свердловых, землячек и матросов Дыбенко – либералов того времени, мечтающих, как и нынешние либералы, сравнять Россию с землёй. Разрушить, и построить на её месте чёрт знает что.

Они, собственно, разрушили и сравнивали. Пролили реки крови. Но те идеи, которыми они заманили народ в пекло, и в которые не верили сами, а просто использовали для уничтожения Русской империи – идеи о равенстве, братстве, власти народа, вдруг заработали. Независимо от них. Ибо их уже не было. Сталин раскусил соратников и пересажал, перестрелял. И лживые маяки стали маяками настоящими. И то, чем просто манили, русский народ поставил за цель и успешно к ней шёл. И пришёл. Пусть с перекосами, недостатками, но если смотреть с высот всей истории мира, то СССР стал сбывшейся мечтой человечества. Где сын сапожника правил государством. Где дети селян могли стать академиками. Где пропаганда защищала не интересы богатеев, а духовный мир человека. Звала его к учёбе, самосовершенствованию, чистоте и честности в дружбе, любви, в труде. Как христианство. Вот ведь фокус-покус...

Вика ничего этого не говорила Ольге Николаевне, знала, что та не поверит. Воскресенская уехала из охваченной войной СССР и более там не бывала. В её памяти остались только лица родных женщин – заплаканные и запуганные. И чёртовы линейки в школе, когда мальчики и девочки в школе вперемешку стоят, как скот в стойле.

...Немцы пришли в Псков и открыли храмы. Сказали, что освобождают землю от комиссаров. Расстреляли нескольких руководящих коммунистов. В том числе врагов Воскресенских, убивших мужчин Олиного рода. В семье Воскресенских не знали что и думать. Возродилась надежда. Вдруг, правда, освободят? Тогда и Митю, младшего бабушкиного сына, могут из лагеря выпустить.

Сидели у окна все трое и впервые слушали колокольный звон. И – хвалили немцев. Улыбались. Говорили шёпотом, что нация культурная, плохого ничего не сделает. А всё, что пишут советские газеты – коммунистическая пропаганда. Надеялись на возрождение царской власти. Родственники царя убежали за границу, и немцы могут их вернуть. Мечтали о старой Руси, без коминтернов. А потом, летом 44-го, начались бомбежки,

советские войска отбивали у немцев город. Битва велась ожесточённая, и однажды Оля пришла к своему дому, а дома-то и нет. Дымящееся пепелище. И погибшие её старшие женщины.

Пятнадцатилетняя девочка не знала что делать. Куча кирпичей, кровь во дворе... Голова кружится, будто сон... Вдруг около неё остановилась машина, из неё вышла женщина в немецкой форме. Она позвала девочку, стоящую столбиком у того, что ещё утром было домом, расспросила, что случилось, кто мать, кто отец, а потом увезла с собой.

Девочка знала немецкий язык. У неё в семье знали и немецкий, и французский.

Фрау Раупах привезла её в машбюро, накормила тушёной, напоила вкусным чаем с сахаром, и объяснила, что Олю научат печатать, и она будет тут работать. Показала маленькую комнатку с кроватью в том же здании, где располагалось немецкое командование. «Вот тут ты будешь спать».

И у Оли началась новая жизнь. Она ни о чём не думала, кроме как о смерти мамы и бабушки, ночью плакала, а утром вставала, чистила зубы, аккуратно причёсывалась и шла печатать. Это были приказы, смысла которых она не понимала, потому что, и печатая, думала о своём. Однажды вчиталась всё же, печатая список приговорённых к расстрелу. Но не задело. Это не была её страна. Та страна, которую она любила, святая православная Россия, убита. А это, новое, не было дорого. Людей убивать, конечно, грешно. Но что она может сделать? Отказаться печатать и остаться без фрау Раупах, к которой привязалась как бездомный котёнок к ласковому хозяину? Приговорённым это не поможет.

Однажды приехал Власов, и их всех, персонал, собрали в большом зале. Генерал показался Оле очень красивым. Одетый в щеголеватый китель, он говорил умно, с примерами из истории, и получалось, что всё идёт как надо: цивилизованное и доброе человечество в лице немецкой армии (а она уже убедилась в её доброте!) борется против жестоких и циничных коммунистов. Немцы выпустят из тюрем политзаключенных (ура! Дядя приедет и они станут жить вместе, хоть кто-то родной по крови), и возродят великую Россию. Империю.

Ольга Николаевна Воскресенская тогда не считала себя предательницей и сейчас не считает. О чем она Вике и сообщила. Совершенно спокойно.

– Кого я предала? Коммунистов? Я им не присягала.

– Но речь шла о существовании всего русского народа. Вы же потом поняли, что немцы лгали. Они вовсе не освободить пришли, а поработать.

– Мне о том ничего не известно. Я не читаю советскую пропаганду.

– Деникин поддержал Советы, а ведь он белый офицер, сражался против большевиков. Но понял, кто прав, и встал за наших.

Воскресенская пожала плечами. Мол, его дело...

Вика ушла от старушки обескураженной. Вот как ответить: любит Ольга Николаевна Россию или нет? Она служит ей всю жизнь. Но какой-то другой России, которая была повержена в прах. А к живой, с плотью в миллионы сердец, с детьми и внуками, с будущим, она равнодушна. Свой народ, который надо поддерживать при любом строе, она не считает своим. И Вика жалела, что не сказала ей: «Убивали-то немцы не Троцкого, не Белу Куна, а рядовых русских Иванов... Вы что, не понимаете?»

Ааа, «хамы». Смеялись над ней и Богом. Не простила. Имеет право? Этот вопрос Вика задала через газету. Прощаем Воскресенскую или нет? Она не стала писать наиболее болезненные для ветеранов её ответы, но в общем и целом беседу передала.

Был шквал звонков. Звонили фронтовики, их дети. Набирали номер редакции и, даже не поздоровавшись, забыв обо всем от обуреваемых чувств, говорили сквозь зубы: «Не прощаем». И молчали.

Татьяна, подруга, затесалась в ассоциацию Ольги Николаевны с благими целями. Объединить всех русских Канады, сделать общину сильной. Ну чтобы, как у украинцев или как у евреев – у тех коммюнити сильные, и своим могут помочь, и прокачать что-то в парламенте в пользу своей страны исхода. Советский человек же (Татьяна) – он очень верит в свои силы. Ему с детства говорили, что он царь природы.

И как же она потом смеялась!

– Я выступила у «белых» на собрании со своим предложением. И после меня все стали выступать. Говорили хорошо, мне нравилось, я им хлопала, и считала, что дело уже в шляпе. А потом оказалось, что они все были против! Представляете? Просто они так вежливо говорят, так спокойно

и доброжелательно, что до меня даже не дошло, что они ругают мою идею! Вот что значит воспитание.

На собраниях постсоветских русских, перемешанных с евреями, дым стоял коромыслом. Если кто считает другого неправым, так залп «Катюши» ему в лицо! До драк не доходило, но ненавидели оппонентов яростно. Две участницы, которых Вика называла «Клара Цеткин и Роза Люксембург» – они всегда ходили парой, еврейки из Одессы, с павлопосадскими платками на плечах и длинными сигаретами в руках, – обозлились на Вику, что она ходила на Русский бал к Воскресенской. Они вообще «беляков» недолюбливали. За то, что и те евреев во время Гражданской не привечали.

– Незачем к власовцам ходить! – кричали. – Золушка, б...дь, нашлась! На Бал ей захотелось!

Вика бы ответила, если бы не свалилась на плечо Татьяны от смеха. Потом бурно обсуждали, что русскоязычной общине отказали в проведении Дня Победы в канадском музее истории войны. Возмутились. Совещались, куда писать жалобу, Канада ведь союзница СССР, так почему кто-то противодействует совместному празднованию победы над нацизмом? Обстановку разрядил глубокий, почти левитановский мужской голос:

– И мы не дадим попить наши русско-еврейские ценности!

Вика любовно смотрела на толпу эмигрантов, собравшуюся в подвале русского храма, оборудованном под концертный зал (потолки низковаты, но есть сцена и места много). Все с работы, уставшие, но пришли чтобы спланировать празднование 9 мая.

Кто-то тронул за плечо. Это была Роза Люксембург. Она посмотрела на журналистку небольшими, цепкими глазами за большими линзами, и, наклонившись, тихо спросила:

– Любуешься? Цветочки?

– Не то слово.

– Лаемся только много меж собой. Переруганные все.

– А это потому, что мы Богу служим, а не дьяволу, – подала голос сидящая рядом работница церковной лавки Галина. Это была женщина лет шестидесяти, со светящимся изнутри лицом, с глазами добрыми и выражением лица сердечным. Голубица. Голос у неё молодой и нежный. – Как сатане служить –

всем понятно, потому у злодеев разногласий нет. А к Богу идут разными путями, вот и спорят православные как лучше.

В зале, может быть, не все христиане, но большинство. Евреев крещёных было немало. В том числе и Роза. Она год тому назад принимала участие в митингах против сексуально-го воспитания. И когда русские, приунывшие, стояли в толпе канадцев и переживали, что придётся жить в развратной стране (если программу сексобраза не отменят), и говорили о том, что непонятно как возвращаться домой – в России квартиры давно проданы, деньги проедены, она бодро успокоила:

– В монастырях будем жить! Я уже узнавала. Можно внести какую-то сумму на развитие, и там поселиться. Возьмём в канадском банке ссуду и уедем с ней навсегда в Россию. Так что не пропадём!

Правда или нет, но всем стало легче.

Однажды позвонила Шелегина. Расспросила Вику, как она? Чувствовалось, что старушке скучно. Сказала, что читала статью про Русский бал.

– Вы организаторов прямо воспели, – сказала с иронией.

– Но такое мероприятие, действительно, трудно подготовить. А люди работают на энтузиазме, десятки лет. Двигают русскую культуру в массы. К ним даже Игнатъев приходил, плясал с женой «Калинку».

Майкл Игнатъев – глава либеральной партии Канады. Его дед, граф Павел Игнатъев, служил министром просвещения России, советником Николая Второго. В 1918 году деду удалось бежать в Европу, затем в Канаду. И там судьба семьи сложилась просто фантастическим образом. Сын Георгий стал дипломатом, представителем Канады в НАТО и ООН. Внук Майкл возглавил либеральную партию страны и вполне мог стать премьер-министром, но либералы проиграли выборы консерваторам, и наполовину русский политик так и не «воцарился».

И вот он, Майкл, русский по отцу и канадец по матушке, ухватился «каралькой» за свою жену, сцепились в локте, и давай крутиться то в одну сторону под «Калинку», то в другую... Кровь Голицыных, Мещерских, родство с Кутузовым – не выкинешь. Хоть и немолод Игнатъев, и русского языка не знает, а тянет к корням, видать...

– Воскресенская что ли двигает русскую культуру в массы? Прямо героиню из неё сделали. Неумеренно хвалите, – ревниво заметила Шелегина.

– Я стараюсь быть справедливой. Хороший бал – написала, похвалила. Его же не одна Ольга Николаевна готовила. Точнее, она его вообще не готовила – не тот уже возраст. Молодые эмигранты готовили. А про неё я и плохое писала.

– Это по какому поводу? – изумилась Наталья Петровна.

– Ну... тут выяснилось, что она в РОА служила.

– И что? Я тоже служила, и муж мой.

У Вики, как говорится, отпала челюсть. Она молчала, не зная, что ответить.

– И что? За что тут ругать? – продолжала Шелегина. – Я и с Власовым была знакома, сидела рядом с ним на одном вечере – забыла вам рассказать, он шутил со мной. Обаятельный был мужчина! А вы знаете, что моего мужа Сталин убил? Да! Поймали и расстреляли.

– Так он же за немцев воевал.

– Ну и что?

Шелегина не видела, как у Вики глаза на лоб вылезли. Журналистка растерянно пролепетала:

– Так... а что вы хотели?

Наталья Петровна захлебнулась от гнева:

– Вы считаете это правильным?! Не звоните мне больше!

Интересно, что все люди, работавшие на немцев, не понимали своей вины, как заметила Вика. Она не впервые встречала таких. Однажды её попросил о встрече старик, который говорил, что он ветеран, а льгот не имеет. Оказалось, он два года воевал, потом попал в плен, и немцы отправили его, азиата – то ли казаха, то ли татарина – воевать в составе «Туркестанского легиона». И он воевал. Потом отсидел своё. А теперь хотел льгот – за те два года, что провёл в рядах Советской Армии.

Разговор проходил у него дома, ещё в России. Взрослые дети ходили мимо отца с журналисткой и хмуро посматривали. Они не были согласны с родителем. Вика же, выслушав, объяснила, что льгот ему не будет, нечего и хлопотать, и ушла.

В другой раз, уже в Канаде, она приехала домой к пожилой женщине, которая говорила, что в России в 90-е всех пострадавших от сталинизма реабилитировали, а её отца нет, и это несправедливо. Женщина приготовила журналистке

рыбу – жирную, нежную, и хотя гостье было неудобно ещё ничего не сделав для человека пользоваться гостеприимством, но не удержалась, рыбу съела. А потом выяснилось, что папенька дамы работал у немцев завскладом. И его расстреляли.

Женщина искренне не понимала, почему её отца не реабилитировали. «Он очень хорошо работал до войны, вот его грамоты... Ну, работал на немцев, а что делать было? Семью надо было кормить».

Вика пожалела что съела рыбу. «Мне дочь говорит: не надо поднимать вопрос. А я считаю надо!» – продолжала собеседница. Потом сказала, что единственная её дочь больна раком, и заплакала. И Вика пожалела её, и объяснила, что вопрос о реабилитации отца, действительно, поднимать не надо. «Люди вас не поймут, только зря обнарудете что папа у немцев служил, добавьте горя себе и дочери». Та аргументам вяла и не обиделась, что статьи не будет.

Через несколько лет Татьяна, подруга Вики, продолжала стремиться к тому, чтобы объединить русскую общину. Всех – белых, красных, русских и евреев, верующих и атеистов. Она ходила вдоль парада Бессмертного полка, представляющего собой длинную вереницу людей – в несколько тысяч человек, и сияла. Оттого, что удалось собрать столько народу, что они скоро пойдут по улицам города с советскими и российскими флагами, а также с канадскими, узбекскими, казахскими – в общем, с флагами народов, боровшихся против фашизма.

Пришли даже африканцы – руандийцы, которые воспринимают парад Бессмертного полка как антифашистский. Тут же сербы, греки. Тоже против фашизма. Татьяна руководила процессией. На голове пилотка со звёздочкой, на груди георгиевская ленточка. И тут она заметила активистку, пламенную патриотку России и СССР Лену. С портретом Сталина. Подбежала:

– Убери, пожалуйста, сейчас «белые» придут. Дети их и внуки, я еле договорилась. Они не хотят и под советскими-то флагами идти, а ты тут Сталина выставила.

– Щас! – возмутилась Лена. – Победителя мы из Победы выкинем! Ещё чего!

Татьяна принялась уговаривать, подошли и другие организаторы полка. Но Лена стояла на своем.

– Если без Сталина, то и без меня. Выхожу из «Русской Лиги» и видеть вас больше не хочу. Ради каких-то недобитков я буду Иосифа Виссарионовича обижать?! Да пошли они!

– Леночка, Гражданская война окончена, мы все – русские. Мы за границей, нам надо вместе держаться! – уговаривала Татьяна. – Церковная община большая, если они придут, у нас будет самый большой заграничный Бессмертный полк.

– А я за цифрами не гонюсь, – упёрлась Лена. – Эти ваши прихожане даже не воевали!

– Воевали, – влез в разговор ещё один активист, Игорь. – Одни не воевали, другие сражались вовсю. Во Франции было русское подполье, немцы многих молодых людей, детей белоэмигрантов, расстреляли. Детей из аристократических семей. Потом многие из Франции переехали в Канаду.

– А мне плевать на аристократические семьи, – мрачно посмотрела на него Лена. Она по сию пору была в КПСС. Не формально, а душой. Партия пала, а Лена оставалась ей верна.

– Воевали – ну молодцы. Но Сталина не отдам! – добавила. Все поняли, что спорить бесполезно. Татьяна взяла её за руку и перевела в начало полка, и поставила в самую гущу. Расчёт на то, что «белые» придут, пристроятся в хвосте, как воспитанные люди, которые соблюдают очередь, и не увидят Генералиссимуса.

И «белые» пришли. Внуки офицеров, которых большевики били, да не успели добить. Как и ожидалось, они тихонько встали в конце длинной человеческой вереницы. Женщины были в платках, потому что пришли со службы в церкви. Татьяна передвинула парад на два часа, чтобы они успели, так как даже по такой важной причине как День Победы от службы они отказываться не собирались. Были ей верны, как Лена Сталину.

«Бывшие» пришли без флагов. Впервые присутствовали на таком параде. Не знали, с какими знамёнами идти. В их семьях любили только Государя и ту, милую, великую, убитую императорскую Россию. Её флагов у них не было. И вдруг Вика увидела, что они вытаскивают иконы. Владимирская Божья Матерь, Георгий Победоносец, Троица...

Громко взмыла песня: «Этот День Победы порохом пропах!», и толпа отправилась в путь. Со Сталиным и всеми Святыми, в земле Русской просиявших. Они были на иконах и в руках у людей – портреты фронтовиков.

Русское море, такое разное, такое непримиримое, такое избитое историей за последние сто лет, шло единым неторопливым шагом, подгоняемое несущимися из колонок песнями о войне, которая чуть не уничтожила их всех – и правых, и виноватых, и православных, и безбожников, и тех, кто за Ленина, и верных Романовым. Шли русские, украинцы, белорусы, казахи, узбеки, евреи, и все прочие, чьих семей коснулась война.

По бокам от парада шли с велосипедами молодые русские парни. Дети эмигрантов, правнуки ветеранов. Они были в форме военных лет, выписанной из России, с георгиевскими лентами. Обеспечивали музыкальное сопровождение. На велосипедах везли аппаратуру и бутылки с водой для тех, кому в пути захочется пить. Ребятам, выросшим в Канаде, родители с детства, каждый год, в мае, показывали документальные фильмы о войне. И хотя они не чувствовали всё так остро, как родители, но считали себя русскими. А значит, обязанными быть здесь. Родители из толпы давали им указания по-русски – включить погромче, бросить бутылку, а парни отвечали по-английски.

Если бы кто-то забежал вперёд и снимал первые ряды парада, он бы увидел Лену. Она уже забыла о конфликте и шла, чему-то широко улыбаясь и гордо неся портрет дорогого ей человека. У которого всю войну не гас свет. И который сказал, что генералов на рядовых не меняет. Который библейски пожертвовал сыном ради веры народа в справедливость и равенство. Эта вера была очень важна для Победы. Лена несла портрет человека, который оставил её страну с атомной бомбой, спасающей любимую Родину до сих пор, и после которого осталась пара стоптанных сапог и старый китель. Она любила этого человека – как родного.

Если бы камера метнулась к середине вереницы, то увидела бы лицо Галины, работницы церковной лавки. Она – дочь советского военнопленного, побоявшегося возвращаться в СССР. Отец любил свою страну, но боялся сталинских «соколов». Она тоже любит Россию. У Галины, как всегда, светится лицо. Потому, что она предана Христу, который даровал России Победу.

Чуть дальше – Татьяна. Она сияет оттого, что сегодня её любимый праздник и что ей удалось собрать такой большой парад. Она пенсионерка, и не знает чем ещё может помочь России. Ну вот, хоть так... Парад покажут в новостях

по российскому телевидению, и россияне увидят, что эмигранты – не предатели, что судьба выкинула их за границу, но связь с Родиной непрерывна. Мысли о ней – ежечасны. И служение ей не требует пребывания именно в Воронеже, Туле, или Новосибирске. На плечах Татьяны – невидимые погоны...

Об этом думает журналистка Вика. И у неё, и у бывшей харьковчанки Татьяны, и у множества других русских на плечах – невидимые погоны. Им никто не давал заданий, когда они уезжали за рубеж, но они сами нашли, разгадали свою миссию. И служат. Служат русские девушки, которые идут тут же, в толпе, и которые организовали курсы русского языка для канадцев, и преподают его бесплатно, одновременно знакомя с лучшим в нашей культуре и разбивая стереотипы о русских. Служат мужчины и женщины среднего возраста, периодически проводящие сборы денег для детдомов Донбасса, а также собирающие посылки разным бедствующим людям в России (узнают о них из СМИ). Служит она сама, Вика, выпуская правдивую газету. Единственную такую на всем североамериканском континенте. Ей страшно публиковать правду в стране НАТО, страшно на тысячи людей, среди которых потомки бандеровцев и даже самого их предводителя Степана Бандеры, жившего в Торонто, высказывать свои мысли, расходящиеся с официальным курсом, но она всегда ощущает невидимые погоны на плечах и преодолевает страх. «Мы не в изгнании, мы в послании», – говорила белая эмиграция. Вот и она – в послании. С честным русским словом наперевес.

Служит Алёна – ещё один организатор парада. У Алёны был рак, потом ремиссия. И прямо перед парадом сказали, что анализы снова нехороши, но пока не ясно, рак вернулся или нет. Любая другая впала бы в отчаяние, передала бы дела другим активистам, а Алёна дошла с мужем огромную Георгиевскую ленту, которую сейчас несли, созвонилась с полицией, с мэрией – уладила все дела, касающиеся безопасности прохода по городу большой колонны людей. И теперь шла и сверкала красивыми глазами и яркими бусами, и смеялась, как будто нет над ней нависшей смертельной опасности.

У Вики, глядя на неё, слёзы навернулись. Она испытала – в который раз – гордость за свой народ. «Цветочки».

Однажды, когда она написала в статье «великая Россия», ей стали звонить русофобы, лаяться. «В чем её величие?» – кричали недовольные.

– Ну, территория великая? Великая, – отвечала Вика. – Победы великие? Великие. Культура великая? Великая.

Её называли кагэбэшницей и грозили депортацией. А сейчас журналистка думала, что велика Россия потому, что у неё велик народ. Как ни мучают его, а идёт, несёт свои знамёна.

А если бы оператор забежал в конец колонны, то увидел бы людей, несущих иконы. Им было трудно принять решение идти на парад. Советовались меж собой. Парад всё-таки был советским. В честь победы Красной армии, против которой воевали в рядах Белого движения их деды. И вообще-то, только красные виноваты в том, что «мы все здесь». Хоть судьба этих людей – внуков и правнуков – в Канаде сложилась благополучно, но обида за то, что род каждого из них изгнали с Родины, осталась.

Не все потомки белоэмигрантов пошли на парад. Но некоторые пришли. Потому что согласны с Татьяной – русским надо быть вместе. Ну и погоны невидимые – они у всех русских на плечах. Не случайно же Воскресенская больше половины века вместо того, чтобы наслаждаться благополучной канадской жизнью и забыть о Родине, которую покинула юной, преподавала в Канаде русский язык и литературу, выпускала русский журнал, тащила канадских политиков на блины...

Из-за неё, кстати, в среде эмигрантов 90-х годов произошло немало серьёзных, больших скандалов, а в итоге – раскол. Татьяна, Алёна и Вика говорили, что она уже старуха, пусть её Бог судит. Тем более, что к власовцам она попала ребёнком, была с ними меньше года, и всего-навсего печатала на машинке. Знали они и о благотворительности Ольги Николаевны. Всю жизнь она обустроивала новых русских эмигрантов. Приехавшие из СССР или из постсоветской России тыкались всюду, как слепые щенки, получали оплеухи, порой сильные. Несчастных посылали к Воскресенской. Она давала приют в собственном доме, оповещала всю православную общину, что есть такой-то, ищет работу, не дадите ли? Пристраивала. Писала за них письма на английском в разные инстанции, возила по продуктовым банкам за бесплатной едой.

Одна её питомица – Настя. Она приехала в Канаду, влюбилась, забеременела, и была покинута мужчиной. Осталась на сносях без жилья, без денег. Приютила её Ольга Николаевна. И кормила за свои кровные Настю и ребёнка, пока тот

не дорос до садика. Настя смогла устроиться на работу и лишь тогда съехала.

Она за Воскресенскую горой. «Плевать мне, где она служила, она мне как мать», говорила. Вика тогда подумала, что Ольга Николаевна по этой же причине защищала фрау Раупах, забравшую её с пепелища.

Роза Люксембург и Клара Цеткин были настроены к Воскресенской непримиримо. На собраниях говорили:

– Увидим – в морду дадим.

И это интеллигентные женщины! Одна скрипачка, вторая искусствовед.

– Слушайте, но ей 15 лет было, когда она к немцам попала! – говорили им.

– А Зое Космодемьянской 18! Немногим старше, – отвечали подруги.

– Она из семьи расстрелянных священников.

– Зоя тоже!

Они яростно смотрели своими семитскими глазами. Вика подозревала, что им безразлично что делала Воскресенская в войну, они просто ненавидели белых за антисемитизм. Простёткий из-за того, что многие видные революционеры были евреями. И начиналась свара, как будто Гражданская закончилась только в прошлом году.

Но после мирились, потому что пришла общая беда – война на Донбассе, и надо было вместе вести работу: собирать деньги и посылки туда, писать листовки на английском и ходить, раздавать канадцам, писать в канадский парламент, требуя чтобы Оттава не снабжала Киев деньгами налогоплательщиков, писать комментарии на английском к охаивающим Россию статьям в канадских газетах – рассказывать, как на Донбассе всё на самом деле.

Однако парадов всё же стало два. Один – с «беляками», идущий от центра русского района до камня, установленного в память погибших во Второй мировой. Второй стартовал от памятника жертвам холокоста... В нём шагали Роза и Клара, но и сотни русских, не желавших идти вместе с «власовцами». Хотя ни одного власовца в первом параде не было, ибо служившие в РОА поумирали в большинстве своём, а их дети, даже если бы пришли на парад, за отцов не отвечают. Но и их не было. Приходили обычные прихожане русской церкви, чьи предки служили в Белой армии.

Шагавшим в первом параде не нравилась отправная точка второго. «Что, одни евреи погибали что ли?» – перешёптывались. В общем, натворили большевики – через сто лет не расхлебать.

Это все было в марте и апреле. Бурные собрания. А в мае оператор, работающий на российское телевидение, снимал первый парад для новостной передачи. Этот парад стал самым большим в русском дальнем зарубежье. Впереди ехала машина с «танком» наверху – картонным, покрашенным в зелёный цвет, с надписью «На Берлин!». За ней шли люди с красными флагами и иконами.

Если бы большевики 20-х увидели эту толпу, они бы не поняли, что это за контра. И если бы Белая армия увидела – тоже не поняли бы. Действительно, контра.

А священники – те, которых расстреляли, если бы воскресли и посмотрели, то ничего удивительного в такой толпе не заметили бы. Они бы сказали коротко и ясно: это народ.

г. Торонто, Канада